

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44
Ш42

Серия «Шелдон-exclusive»

Sidney Sheldon
NOTHING LASTS FOREVER

Перевод с английского *А. П. Романова*

Серийное оформление *Е. Д. Фerez*

Печатается с разрешения Sidney Sheldon Family Limited Partnership и литературных агентств Morton L. Janklow Associates и P.&R. Permissions & Rights Ltd.

Шелдон, Сидни.

Ш42 Ничто не вечно : [роман] / Сидни Шелдон ; [пер. с англ. А. П. Романова]. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 416 с. — (Шелдон-exclusive).

ISBN 978-5-17-089551-9

Обычная больница в Сан-Франциско...

«Маленький мир», где плетутся интриги и отчаянно, до последнего, дерутся за место под солнцем... Здесь молодая женщина может найти свое счастье — или стать жертвой красивого циничного ловеласа...

А еще, похоже, здесь было совершено убийство.

Защита утверждает: безнадежный больной убит «из милосердия». Обвинение настаивает: это хорошо продуманное преступление.

Но... что случилось на самом деле?

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Sidney Sheldon Family Limited Partnership, 1994
© Перевод, А. П. Романов, наследники, 2015
ISBN 978-5-17-089551-9 © Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Анастасии и Родерику Манн, с любовью

Автор выражает глубокую признательность всем докторам, медсестрам и техническому персоналу, которые щедро поделились с ним своими знаниями и опытом.

Что не излечивается лекарствами, то излечивается ножом; что не излечивается ножом, то излечивается раскаленным железом; что не излечивается раскаленным железом, то следует считать неизлечимым.

Гиппократ, V — IV вв. до н. э.

Существует три категории людей: мужчины, женщины и женщины-врачи.

Сэр Уильям Ослер

Пролог

*Сан-Франциско
Весна 1995 года*

Окружной прокурор Карл Андруз пребывал в ярости.

— Да в чем дело, черт побери? — взорвался он. — Три врача живут вместе и работают в одной больнице. Одна из них спит почти со всем персоналом больницы, другая убивает пациента ради миллиона долларов, а третья сама убита. — Андруз замолчал и глубоко вздохнул. — И все они женщины! Три чертовы женщины-врача. Средства массовой информации носятся с ними, как со знаменитостями. Они не сходят с экранов телевизоров, передача «60 минут» даже выделила для них часть програм-

мы. Барбара Уолтерс сделала о них специальный репортаж. Во всех газетах и журналах их фотографии, посвященные им статьи. Ставлю два против одного, что Голливуд собирается снять об этих сучках фильм, в котором их выставят такими героинями! Не удивлюсь, если правительство выпустит почтовые марки с их физиономиями, как марку с Пресли. Ох господи, уберите это отсюда! — Прокурор стукнул кулаком по фотографии женщины на обложке журнала «Тайм». Подпись под фотографией гласила: «Доктор Пейдж Тэйлор — Ангел Милосердия или Апостол Сатаны?» — Доктор Пейдж Тэйлор. — Голос окружного прокурора был полон презрения. Он повернулся к Гасу Венаблу, главному представителю обвинения: — Я передаю это дело тебе, Гас. Мне нужен обвинительный приговор. Убийство первой степени. Газовая камера.

— Не беспокойтесь, — тихо произнес Венабл. — Я позабочусь об этом.

Сидя в зале суда и наблюдая за доктором Пейдж Тэйлор, Гас Венабл подумал: «Она неуязвима для суда присяжных». Но тут же улыбнулся про себя: «Никто не может быть неуязвим для суда присяжных». Высокая, стройная, темно-карие глаза, выразительность которых еще более подчеркивало бледное лицо. Равнодушный наблюдатель не посчитал бы ее привлекательной, но более внимательный мужчина отметил бы кое-что другое — в ней как бы сосуществовали вместе разные ее жизни: радостное возбуждение ребенка, наложенное на застенчивость и нерешительность молодой девушки,

под которыми проглядывали мудрость и страдание взрослой женщины. Было в ней и какое-то целомудрие. «Она из тех девушек, — продолжал размышлять цинично Гас Венабл, — которую мужчина рад был бы привести к себе домой и познакомить с мамой. Если только его маме нравятся хладнокровные убийцы».

В ее взгляде сквозила какая-то мрачная отрешенность, этот взгляд говорил, что доктор Пейдж Тэйлор ушла глубоко в себя, в другое место, в другое время, подальше от этого холодного серого зала суда, ограничившего ее свободу.

Судебное заседание проходило в старом здании Дворца правосудия на Брайант-стрит. Дворец, в котором размещались Верховный суд и окружная тюрьма, представлял собой отталкивающее взгляд сооружение высотой в семь этажей, сложенное из квадратных серых камней. Посетителей, приходивших сюда, пропускали через электронную систему безопасности. Верховный суд занимал третий этаж здания. В зале заседаний номер 121, где слушались дела об убийствах, кресло судьи стояло возле дальней стены, на которой висел государственный флаг США. Слева от кресла судьи располагалась скамья присяжных, в центре зала — два разделенных проходом стола: один — для представителя обвинения, другой — для представителя защиты.

Зал заполнили репортеры и зеваки, которых всегда привлекали слушания дел об автокатастрофах со смертельным исходом и убийствах. Как и каждое дело об убийстве, нынешнее тоже пред-

ставляло собой спектакль. Главный обвинитель Гас Венабл и сам являл собой весьма эффектное зрелище. Дородный мужчина с копной седых волос, козлиной бородкой и изысканными манерами плантатора-южанина. У него был вид рассеянного и нерешительного человека, но мозги работали как компьютер. В любое время года он носил белый костюм и старомодную рубашку с жестким воротничком, что служило его своеобразным «фирменным знаком».

Противником Венабла в суде был Алан Пенн, защитник Пейдж Тэйлор, — плотный энергичный ловкач, создавший себе репутацию адвоката, всегда добивающегося оправдания своих клиентов.

Они встречались не первый раз, и их взаимоотношения основывались на невольном уважении и полном недоверии друг к другу. К удивлению Венабла, Алан Пенн явился к нему за неделю до начала судебного заседания.

— Я пришел оказать тебе услугу, Гас.

«Бойся защитников, дары приносящих».

— Что ты задумал, Алан?

— Послушай, я еще не обсуждал это с моей клиенткой, но предположим... просто предположим, что я уговорю ее признать себя виновной, чтобы смягчить приговор и избавить штат от расходов на слушание дела.

— Ты просишь меня о сделке в обмен на ее признание?

— Да.

Гас Венабл порывлся в своем столе.

— Не могу найти этот чертов календарь. Ты знаешь, какое сегодня число?

— Первое июня. А что?

— А я уж было подумал, что наступило Рождество, иначе ты не стал бы выпрашивать у меня такой подарок.

— Гас...

Сидевший в кресле Венабл наклонился вперед.

— Знаешь, Алан, если бы это было обычное дело, я бы пошел тебе навстречу. Сказать по правде, я предпочел бы сейчас ловить рыбу на Аляске. Но мой ответ будет отрицательным. Ты защищаешь хладнокровную убийцу, которая лишила жизни беспомощного пациента ради его денег. Я буду требовать смертного приговора.

— Я думаю, она невиновна, и...

Венабл громко хохотнул.

— Нет, ты не считаешь ее невиновной. И никто так не считает. Это дело проще простого. Твоя защитная так же виновна, как и Каин.

— Нет, пока это не объявит жюри присяжных, Гас.

— Они объявят. — Гас помолчал. — Объявят.

После ухода Алана Пенна он сидел в кресле и размышлял об их разговоре. Приход Пенна был признаком его слабости. Пенн понимал, что у него нет шансов выиграть это дело. Гас Венабл подумал об имеющихся у него неопровержимых доказательствах, о свидетелях, которых он вызовет в суд, и остался вполне доволен.

Сомнений не было никаких. Доктора Пейдж Тэйлор ждала газовая камера.

Составить список присяжных оказалось не так-то просто. Газеты уже несколько месяцев пестрели заголовками об этом нашумевшем деле. Хладнокровное убийство вызвало огромную волну всеобщего возмущения.

Председательствующей на суде была Ванесса Янг — строгий блестящий темнокожий юрист, которую, по слухам, прочили в судьи Верховного суда США. Она была известна своей нетерпимостью к адвокатам и вспыльчивым характером. В Сан-Франциско среди адвокатов по уголовным делам ходила поговорка: «Если твой клиент виновен, но ты рассчитываешь на милосердие — держись подалеже от судьи Янг».

За день до начала судебного заседания Ванесса Янг собрала в своем кабинете представителей обвинения и защиты.

— Нам надо условиться о некоторых правилах, джентльмены. В связи с серьезным характером этого дела я намерена допускать определенные скидки, чтобы защита убедилась в непредвзятости суда. Но предупреждаю вас обоих — не пытайтесь воспользоваться этим преимуществом. Вам ясно?

— Да, ваша честь.

— Да, ваша честь.

Гас Венабл заканчивал свою вступительную речь.

— Итак, господа присяжные, обвинение намерено доказать... да, доказать без всяких сомнений, что доктор Пейдж Тэйлор убила своего пациента Джона Кронина. Но она не просто убила его, а уби-

ла из-за денег... больших денег. Она убила Джона Кронина ради миллиона долларов. Поверьте, после того как вы заслушаете все доказательства, вы, несомненно, признаете доктора Пейдж Тэйлор виновной в убийстве первой степени. Благодарю вас.

Присяжные сидели молча, не шевелясь, ожидая дальнейшего развития событий.

Гас Венабл повернулся к судье:

— Если не возражаете, ваша честь, в качестве первого свидетеля обвинения я хотел бы вызвать Гэри Уильямса.

Когда свидетеля привели к присяге, Гас Венабл обратился к нему:

— Вы работаете санитаром в окружной больнице «Эмбаркадеро»?

— Да, это так.

— Работали ли вы в палате номер три, когда в прошлом году туда поступил Джон Кронин?

— Да.

— Не могли бы вы сказать нам, кто был его лечащим врачом?

— Доктор Тэйлор.

— Как бы вы охарактеризовали отношения между доктором Тэйлор и Джоном Кронином?

— Протестую! — Алан Пенн вскочил со своего места. — Обвинение предлагает свидетелю делать выводы.

— Протест принят.

— Позвольте мне поставить свой вопрос иначе. Вы слышали какие-нибудь разговоры между доктором Тэйлор и Джоном Кронином?

— О, разумеется. Я не мог их не слышать. Я все время работал в этой палате.

— Могли бы вы назвать эти разговоры дружескими?

— Нет, сэр.

— Вот как? Почему вы так считаете?

— Я помню, как в тот день, когда мистер Кронин поступил в больницу и доктор Тэйлор стала осматривать его, он сказал, чтобы она держала... — Свидетель замялся. — Не знаю, смогу ли я повторить его выражение.

— Давайте, мистер Уильямс, не думаю, что в зале суда присутствуют дети.

— Ну, он сказал ей, чтобы она держала свои гребаные руки подальше от него.

— Он именно *это* сказал доктору Тэйлор?

— Да, сэр.

— Пожалуйста, расскажите суду, что вы еще слышали или видели.

— Он всегда называл ее «эта сучка». Не хотел, чтобы она находилась возле него. Когда она заходила в палату, он обычно говорил такие фразы: «Опять явилась эта сучка!», «Скажите этой сучке, чтобы оставила меня в покое», «Почему мне не могут прислать настоящего врача?»

Гас Венабл сделал паузу и посмотрел туда, где сидела доктор Тэйлор. Взгляды присяжных устремились в том же направлении. Венабл покачал головой, словно был опечален, и вернулся к допросу свидетеля:

— Показался ли вам мистер Кронин человеком, который намерен подарить доктору Тэйлор миллион долларов?

Алан Пенн вновь вскочил со своего места.

— Протестую! Обвинение призывает свидетеля высказать свое мнение.

— Протест отклонен, — возвестила судья Янг. — Свидетель может отвечать на вопрос.

Алан Пенн посмотрел на Пейдж Тэйлор и опустил на свой стул.

— Черта с два, — заявил санитар. — Конечно, нет. Да он просто ненавидел ее.

Место для дачи свидетельских показаний занял доктор Артур Кейн.

Гас Венабл приступил к его допросу.

— Доктор Кейн, вы состояли в штате больницы, когда обнаружилось, что Джон Кронин был уби... — он покосился на судью Янг, — умер от инсулина, введенного внутривенно? Это так?

— Да.

— А впоследствии выяснили, что виновата в этом доктор Тэйлор?

— Совершенно верно.

— Доктор Кейн, я хочу показать вам составленное в больнице официальное заключение о смерти, подписанное доктором Тэйлор. — Венабл взял со стола бумагу и передал ее Кейну. — Будьте добры, прочтите это вслух.

Кейн начал читать:

— «Джон Кронин. Причина смерти: остановка дыхания, вызванная инфарктом миокарда в результате легочной эмболии».

— А если более понятным языком?

— В заключении говорится, что пациент умер от сердечного приступа.

— И это заключение подписано доктором Тэйлор?

— Да.

— Доктор Кейн, это настоящая причина смерти Джона Кронина?

— Нет. Он умер от инъекции инсулина.

— Значит, доктор Тэйлор ввела ему летальную дозу инсулина, а затем подделала заключение о смерти?

— Да.

— И вы сообщили об этом доктору Уоллесу, начальнику больницы, а он, в свою очередь, сообщил властям?

— Да. Я посчитал это своим долгом. — В голосе Кейна зазвенело справедливое негодование. — Я врач. И считаю невозможным ни при каких обстоятельствах отнимать жизнь у другого человека.

Следующей вызвали вдову Джона Кронина Хейзл. Это была женщина лет сорока, с огненно-рыжими волосами и пышной фигурой, которую не удалось скрыть под простеньким черным платьем.

Гас Венабл приступил к допросу.

— Я понимаю, как все это болезненно для вас, миссис Кронин, — начал он, — но я должен попросить вас описать жюри присяжных ваши взаимоотношения с покойным мужем.

Вдова промокнула глаза большим кружевным носовым платком.

— У нас с Джоном был счастливый брак. Он был замечательным человеком. Часто говорил мне,

что я принесла ему истинное счастье, которого он никогда не знал раньше.

— Как долго вы были замужем за Джоном Кронином?

— Два года, но Джон всегда говорил, что это были два года в раю.

— Миссис Кронин, говорил ли ваш муж когда-нибудь с вами о докторе Тэйлор? Говорил ли он, что считает ее прекрасным врачом? Или как она ему здорово помогла? Или что она ему очень нравится?

— Он вообще никогда не упоминал о ней.

— Никогда?

— Никогда.

— А не заводил ли Джон разговоры о том, что намерен вычеркнуть из завещания вас и ваших братьев?

— Никаких разговоров. Он был самым щедрым человеком в мире. Он всегда говорил мне, что я могу иметь все, что захочу, а когда он умрет... — голос вдовы дрогнул, — когда он умрет, я буду богатой женщиной, и... — Она не смогла закончить фразу.

— Перерыв на пятнадцать минут, — объявила судья Янг.

Джейсон Куртис сидел в заднем ряду зала заседаний. Его буквально распирало от гнева. Он не мог поверить в то, что свидетели говорили о Пейдж. «Ведь это же женщина, которую я люблю, — подумал он. — Женщина, на которой я собираюсь жениться».